

НЕДОВЕРИЕ И ПРИТВОРСТВО КАК ИСТОЧНИКИ ПОДОЗРЕНИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Тему, предложенную В.И. Пржиленским, можно только приветствовать. Она актуальна, во-первых, как посвященная в буквальном смысле «вечной» и неизбывной проблеме осмысления бытия человека как существа социального, и, во-вторых, как посвященная остросовременным культурным практикам этого бытия. Можно утверждать, что эта тема соответствует наиболее глубоким и перспективным интуициям современной теории и истории культуры.

Подозрение как фермент социализации

Подозрение коренится в человеческой природе, будучи обусловлено страхом перед любой неопределенностью и опасностью. Тем самым, оно активно участвует в социогенезе, выступая мотивационным импульсом стремления к безопасности — базовой ценности социогенеза. Более того, оно теснейшим образом взаимосвязано с завистью и ressentimentом, подпитывая стремление к реализации справедливости — второй базовой ценности социогенеза¹. Поэтому, можно утверждать, что подозрение активно участвует в запросе на социальное нормирование, на выработку правил, чтобы «было по честному», на социальный контроль, а, значит, и нельзя отрицать активную, побуждающую роль подозрения в общем процессе социализации.

В этом смысле его деструктивность конструктивна, поскольку подозрение дает импульс выработке у личности потребности в «круге доверия», в который могут входить определенные люди (прежде всего — родные, близкие), способы поведения, жизненной стилистики. Эти представления о «своих», «наших» и т.п. могут наполняться родовыми, племенными, этническими, клановыми, конфессиональными, субкультуральными характеристиками, обеспечивающими «сплачивающее доверие», и образующими содержание идентичности личности, в основе которой, приходится признать, лежит минимальный порог недоверия и подозрения. Обратной стороной такой социализации становится повышенное недоверие и подозрение по отношению к «иным», «чужим», не таким, как «мы».

Как страх порождает стремление к безопасности, а зависть — стремление к справедливости, так и подозрение активизирует запрос на доверие. Поэтому по мере развития общества, расширения круга социального общения личности, ее включения в более широкие горизонты социальной жизни (например, связанные с урбанизацией), это недоверие и подозрительность к «иным» формирует запрос к социуму на выработку рамочных правил, способных выработать «доверие,

наводящее мосты», иначе говоря, — запрос на создание институциональной среды, прежде всего — правовой системы, обеспечивающей социальный контроль и справедливый суд вне зависимости от этнической и прочей принадлежности личности. В случае реализации этого запроса можно уже говорить о гражданской идентичности.

В каком-то смысле, подозрение было предметом философской рефлексии с самого возникновения этой интеллектуальной практики. Так, «искусство подозревать», лежит в основе философского метода Сократа, заявлявшего о том, что простые и всем известные истины не являются таковыми. Практика экзегетики, герменевтического искусства получать ответы посредством вопрошания текстов, само становление опытного знания (совпавшее с «охотой на ведьм») связаны именно с подозрением о существовании неких скрытых причин и мотивов, с необходимостью их выявления. В современной философии на той же установке, фактически построены и практики деконструкции (Ж. Деррида), «археологии знания» (М. Фуко). А в практике «информационных войн» тотальная конспирология получила свое технологическое воплощение². Поэтому можно признать, что подозрение сопровождало человечество на протяжении всей истории его развития, а в какой-то степени и просто присуще социальным формам жизни.

Однако нынешняя ситуация является серьезным интеллектуальным вызовом. С конца XX в. стало очевидным, что управлять можно не только путем сокрытия информации, обмана, фальсификации фактов. Можно просто лишить человека самой возможности свободного и самостоятельного суждения путем навязывания ему теорий, понятий, картин мира, их понятийной перекодировки³. Осознание этих возможностей чревато не то что тотальной подозрительностью, а уже хорроризацией общества. Поэтому задачей философии является выявление причин, источников, возможных следствий этой ситуации.

Подозрение — установка, обусловленная представлениями о возможном обмане, манипулировании. Существуют ли какие-то объективные факторы, способствующие развитию такого настроения? Представляется, что можно выделить, как минимум, две основные группы таких факторов: конкретное состояние конкретного общества — например, российского, и общий цивилизационный фон — прежде всего, неоднозначные следствия распространения современных коммуникативных технологий.

Подозрение как вызов современности: российский случай

Подозрение, сомнение — вроде бы очень отрезвляющая установка, способствующая самоопределению, осознанию собственных интересов, организации рациональной деятельности, прежде всего по-

знавательной, что позволяет выявить объективные причины, снять покров таинственности и непонятности с происходящего. Собственно, именно методологическое сомнение со времен Р. Декарта лежит в основе методологии научного познания. Принцип «доверяй, но проверяй!» – в основе политического, финансового, административного менеджмента. Однако, когда подозрение становится массовым явлением, в том числе транслируемым средствами массовой коммуникации, складывается ситуация расплзания социальных тканей, а дальнейший распад социального механизма может сдерживаться только еще большим усилением подозрительности.

Доверие – главное условие социальной жизни, без которого невозможны ни бизнес, ни политика, ни искусство, ни личная жизнь...⁴ Человек – принципиально социальное существо, он не может в одиночку просто существовать – не то что реализовывать некие планы. Поэтому дело не только и не столько в перспективе тотального гласного и негласного контроля, сколько в понимании причин этих тенденций, в возможности противостояния им.

Состояние современного российского общества дает наглядный пример деформированного социума, в котором нарушен баланс между доверием «сплывающим» и «наводящим мосты». Причина этого явления – в неразвитости формальных институтов, таких как право, собственность... Подмена же их культурно-этнической, а то и корпоративной идентичностью, приводит ко все большему нарастанию разобщенности, подозрения и недоверия. Сохраняется только доверие сплывающее – по отношению к «своим». Любые «другие» – чужие, непонятные, опасные, возможно – коварные.

В результате, подозрительность в современном российском (и не только) обществе приняла гипертрофированный, доходящий до гротеска характер. Государство подозревает бизнес и общество: деятельность следственного комитета превратилась в едва ли не главное средство реального общения с ними. Соответственно и бизнес с глубоким подозрением и недоверием относится к государству и обществу, как, впрочем, и общество отвечает тем же государству и бизнесу. Дикий банковский процент, гипертрофированное в своей карательности законодательство в сочетании с извращенным правоприменением, перегородженные двory, железные двери с тремя засовами – все это следствия именно «разлитого» по всем уровням социального механизма подозрения. За любым явлением социальной жизни – в политике, искусстве, науке, даже в личной жизни – ищется, прежде всего, скрытая мотивация, некий умысел, а то и заговор.

Диагноз этой ситуации довольно очевиден – это отсутствие доверия, наводящего мосты, которое может быть обеспечено только развитием формальных институтов, к реализации чего и призвано

государство. Сложившиеся в России, в силу ряда исторических обстоятельств, корпоративное государство, избирательная система правоприменения, к сожалению, не способны осуществить решение этой задачи.

Дело не только и не столько в сложившемся политическом режиме, или даже не столько в изощренном двуличии советского общественного строя, сколько в исторических особенностях развития российско-советского общества в XX столетии. Так, еще ждет обстоятельного исследования тема «публичной интимности», «многодушия» и «актерства», столь характерная для культуры Серебряного века. Можно сослаться на работы Ф. Степуна⁵, В. Кантора⁶, в которых подчеркивается роль этого многодушия, сказавшаяся в «революционном карнавале» масок, реализованном людьми, известными под партийными кличками. Глубинное значение «ролевой революции» в формировании массового общества, одного из важнейших факторов особенности истории XX столетия, глубоко осмысленное за рубежом, применительно к российскому обществу еще ждет осмысления в отечественной общественной мысли.

Цивилизационно-коммуникативный фон притворства

Стимулирующим подозрение фактором является притворство, неискренность. Именно их наличие подозревается прежде всего. И приходится только удивляться тому, что проблема притворства до сих пор не стала предметом серьезного внимания специалистов по теории и философии культуры и личности. Во все времена притворство сопутствовало социальным практикам и практикам бытия — от личной жизни до политической деятельности, сферы искусства, работы спецслужб. Оно затрагивает как рационально выстроенные практики позиционирования и манипулирования, так и иногда бессознательные формы самозащиты, стремление предстать иным, которое неизбежно для человеческого существования как социального существа.

Особые возможности для притворства и манипулирования открывают современные информационно-коммуникативные технологии, прежде всего Интернет, и эти возможности все более явные, весьма неоднозначны. С одной стороны, это возрастание взаимной информированности, самореализации. С другой — нарастающие самодостаточность и недоверие.

Современное информационное общество представляет собой проектно-сетевой социум, в котором политика, экономика, искусство, личная жизнь во все большей степени предстают проектами, активизирующими определенные участки социальной сети⁷. Личность в этой ситуации предстает как некий проект, а то и комплекс проектов, что позволяет уже говорить не только об этнической, статусной,

ролевой, но и о проектной идентичности. Социальные сети, вроде Facebook и «В контакте», блоги и микроблоги (LiveJournal и Twitter) дают человеку возможность самому стать средством информации, альтернативным традиционным медиа. Открывающиеся окна самореализации не всегда носят конструктивный характер. Под одним и тем же «ником», «аватаркой» могут скрываться разные люди, а один и тот же человек или организация могут реализовывать несколько персонифицированных проектов. А если вспомнить про такую уже полупрофессиональную деятельность как «троллинг», то становится понятным, что такие практики отнюдь не всегда способствуют большей открытости общества, росту социального и личного доверия.

Особого внимания заслуживают формы притворства, реализуемого в интернет-культуре в целом и в таком ее сегменте, как блогосфера, в частности. Именно блогосфера — совокупность блогов, или интернет-дневников, по преимуществу персональных, — в наше время лучше всего отражает специфику выстраивания и манифестации образа «я» в виртуальном пространстве, выражает особенности самоидентификации современного человека, его позиционирования в обществе. Действительно, вечно присутствующее в самосознании чувство недовольства собой, определяет стремление к некоторому целостному «я», и это стремление в Интернете получает исключительные возможности реализации, конструирования альтернативных образов себя.

Феномен притворства, демонстрируемый блогосферой, позволяет говорить об искаженном и неоднозначном характере интернет-коммуникаций. Изменения эти, в частности, относятся и к самой позиции — как источника, так и реципиента коммуникативного акта, и заключаются в усилении роли автокоммуникации, обращенности источника, адресанта на самого себя, что позволяет говорить об особом нарциссизме и эксгибиционизме современной личности. При этом, порожденные в сети масочные персонажи («виртуалы») начинают жить в сети и не только своей жизнью, мало связанной с какими бы то ни было возможными реальными референтами⁸.

Разумеется, феномен сетевого притворства связан с проблемой идентичности, с одной стороны, а с другой — с возможностью и даже необходимостью освоения личности в процессе социализации и индивидуализации определенных социальных ролей. Но является ли такое притворство позиционированием личностью своего не истинного, ложного «я»? Во-первых — что (главное — кем?) определяется как «я»-истинное? Во-вторых, если притворство — это такое лукавство, мошенничество, сознательное стремление предстать не собой, иным, выдать себя за другого, то — каковы мотивы его порождающие? В-третьих, любая ли социальная роль, в силу неполноты

представленности в ней личности, выступает притворством? Наконец, в-четвертых, если социализированная личность — это комплекс освоенного человеком ролевого репертуара, а также ценностных установок, связанных с предпочтением или избеганием определенных ролей, то не получается ли так, что истинным «я» является «человек без свойств», еще не идентифицированный даже самим индивидом? Но тогда о каком притворстве вообще может идти речь? Получается некая двусмысленность: либо притворство — технология социального манипулирования другими, либо оно неизбывный универсальный атрибут человеческого бытия... И от ответов на эти вопросы напрямую зависит вопрос о природе, а главное — содержании («контенте») современного подозрения.

Да и блог не всегда является альтернативным проектом личности — можно привести множество примеров обратной ситуации, когда блог выступает продолжением реальной жизненной и профессиональной позиции автора блога.

Важно понимать и то, что практики тотального акцентированного недоверия и троллинга отнюдь не связаны исключительно с самопозиционированием индивида путем отрицания чего-то чуждого и никак не способствуют позитивному проявлению его личности. Эта технология притворства строится не только на негативной, но и на позитивной репрезентации «я» в контексте определенной группы, но обязательно — на осмеянии способов речи, мышления и поведения, не разделяемых общностью, к которой себя относит актер троллинга.

Аналогично и остраняющая его роль не сводится к маске, высеивающей сам изображаемый ею объект. В процессе осмысления вырывание предмета из привычного контекста («остранение» В.Б. Шкловского, «удивление» Платона, «очуждение» Б. Брехта, «деконструкция» Ж. Дерриды, «лиминальность» В. Тернера и т.п.) дополняется погружением его в иной контекст и выстраиванием нового ряда остраненных смыслов («монтаж» В.Б. Шкловского, «реагрегация» В. Тернера и т.п.). Остранение как самоцель, самодостаточность характерны для стилистики абсурда, нонсенса. В случае троллинга мы имеем несколько иную ситуацию. Этот процесс играет промежуточную роль: *уже* остранения, но *еще* недоосмысленности.

Тем не менее, широкий ассортимент языковых и изобразительных практик интеллектуального ерничества, эпатажа, скандальной пародийной провокации, включая фотожабы, троллинг, общую стилистику агрессивности виртуальной среды — суть проявления акцентированно негативной агрессии, все более свойственной блогосфере. Эти тенденции становятся все более разрушительными, способствуют формированию атмосферы тотального недоверия, и даже хоррори-

зации общества. Иначе говоря, мы имеем дело с довольно опасными тенденциями, имеющими далеко идущие социально-культурные и политические последствия.

Ergo

- Подозрение неизменно присуще природе человека, его социальному бытию, создавая мотивационный фон не только для познания, но и для стремления к безопасности и справедливости.

- Это проявляется и в роли подозрения при реализации неформальных и формальных социальных институтов, формирующих спланированное доверие (задающее культурную идентичность) и доверие «наводящее мосты» (задающее гражданскую идентичность). Тем самым подозрение активно стимулирует процессы социализации личности и консолидации общества.

- В реализации этих процессов ключевую роль играют исторический и цивилизационный процессы, определяющие возможности и перспективы реализации конструктивного потенциала подозрения.

- Ряд исторически сложившихся институциональных особенностей российского общества сказывается, прежде всего в том, что деформации его институциональной среды (правовой нигилизм в первую очередь) породили общество и экономику недоверия, преодоление которого предполагает длительную и внятную социальную инженерию.

- Отдельного внимания заслуживают цивилизационные особенности современного проектно-сетевых социума. Современные информационно-коммуникативные технологии создают достаточно неоднозначную ситуацию, стимулирующую развитие недоверия и подозрительности. Преодоление этих тенденций является серьезным цивилизационным вызовом сложившейся системе нравственности и права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тульчинский Г.Л. Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза // *Философские науки*. 2013. № 1. С. 24 – 38.

² См.: *Власенко И.С., Кирьянов М.В.* Информационная война: искажение реальности. – М.: Канцлер, 2011; *Почепцов Г.Г.* Информационные войны и будущее. – К.: Ваклер, 2002.

³ См.: *Бергер П. Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М., 1995.

⁴ См.: *Веселов Ю.В.* Доверие и справедливость. – М.: Аспект-Пресс, 2011; *Тульчинский Г.Л.* Доверие и гражданская идентичность как факторы консолидации российского общества // *Философские науки*. 2012. № 11. С. 76 – 88.

⁵ См.: *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. В 2 т. 2-е изд., испр. – СПб.: Алетейя, 2000.

⁶ См.: Кантор В.К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (Становление философского пространства в России). – М.: РОССПЭН, 2011.

⁷ См.: Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. – М.: НЛО, 2011.

⁸ См.: Вокуев Н.В. Феноменология притворства в современной культуре (на материалах блогосферы). – СПб.: РГПУ, 2013.

Аннотация

Подозрение является проявлением недоверия, реакцией на притворство. Оно пронизывает все сферы социальной жизни, является импульсом к развитию знания, науки, инженерного дела. Проблема современности состоит в том, что развитие информационных технологий объективно расширяет и углубляет подозрение. Это является серьезным цивилизационным вызовом.

Ключевые слова: доверие, недоверие, подозрение, притворство, рефлексия.

Summary

Suspicion is a manifestation of mistrust, a reaction to hypocrisy. It permeates all spheres of social life, is the impetus for the development of knowledge, science, and engineering. The problem of contemporaneity is that the development of information technology objectively expands and deepens suspicion. This is a serious challenge to civilization.

Keywords: dissimulation, trust, mistrust, reflection, suspicion.